

ДЖОРДЖ МАРТИН
ДЖИМ БАТЧЕР
РОБИН ХОББ
ЛЕВ ГРОССМАН
БРЕНДОН САНДЕРСОН
ДЖО АБЕРКРОМБИ
ДИАНА ГЭБЛДОН
ЛОРЕНС БЛОК
И ДРУГИЕ

DANGEROUS WOMEN

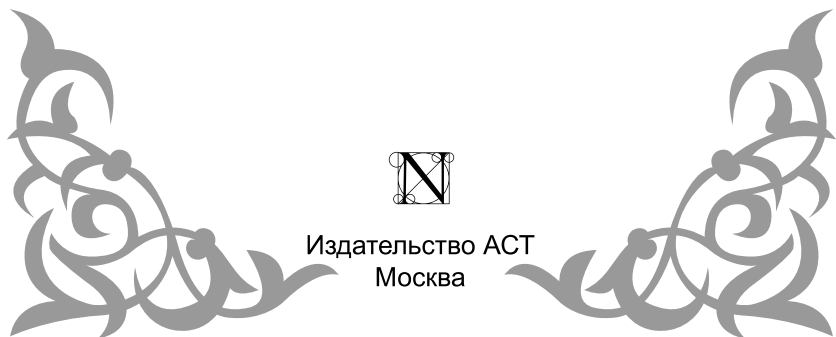
EDITED BY
GEORGE R.R.MARTIN
AND
GARDNER DOZOIS

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

СОСТАВИТЕЛИ
ДЖОРДЖ МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗУА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

C50

Серия «Мастера фэнтези»

DANGEROUS WOMEN

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

C50 **Смертельно опасны** : [сборник : пер. с англ.] / сост. Джордж Р. Р. Мартин, Гарднер Дозуа. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 768 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-086715-8

Решительные, когда того требуют обстоятельства.

Мстительные, когда месть — единственное утешение.

Бескомпромиссные, когда малейшая уступка означает потерю лица.

Отважные, когда бездействие равносильно смерти.

21 история о женщинах в исключительных обстоятельствах.

21 страшная, загадочная, захватывающая фантазия от признанных мастеров.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© George R.R. Martin and Gardner Dozois, 2013

© Перевод, примечания. А. Курышева, 2015

© Перевод, примечания. Н. Виленская, 2015

© Перевод, примечания. В. Вершовский, 2015

© Перевод, примечания. В. Гольдич, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086715-8

ГАРДНЕР ДОЗУА

ВВЕДЕНИЕ

За все время существования жанровой литературы в ней так и не сформировалось единого мнения о том, насколько все-таки опасны женщины.

В реальном мире, конечно же, на этот вопрос уже давно есть ответ. Пусть амазонок на самом деле не существовало (и даже если бы существовали, они почти наверняка не стали бы отрезать правую грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука), но легенды о них вдохновлены рассказами о свирепых скифских воительницах, которые уж точно очень даже существовали на самом деле. На аренах Древнего Рима бились насмерть друг с другом — а иногда и с мужчинами — женщины-гладиаторы. Женщины были и среди пиратов (например, Энн Бонни и Мэри Рид), и даже среди самураев. В годы Второй мировой войны советские женщины доблестно сражались в войсках на линии фронта; в Израиле женщины сражаются и сегодня. В американской армии до 2013 года они формально занимали лишь нестроевые должности, но многие отважные женщины все равно пожертвовали жизнями в Ираке и Афганистане — ведь пулям и минам все равно, боец вы или нет. Женщины, которые служили пилотами в США во время Второй мировой, также выполняли «небоевые» задания (хотя многие из них все же погибли при исполнении), а вот советские женщины поднимались в небо в качестве летчиков-истребителей, причем иногда становились асами. На счету одной из советских летчиц времен Второй мировой войны — более пятидесяти уничтоженных вражеских машин. Королева Боуддика из племени иценов возглавила одно

из самых страшных антиримских восстаний и едва не выгнала захватчиков с британской земли, а юная французская крестьянка сумела вдохновить войска и обрушить их на врага столь успешно, что навсегда осталась в истории под именем Жанны д'Арк.

Обращаясь к темной стороне, можно вспомнить разбойниц Мэри Фрит, леди Кэтрин Феррерс и Перл Харт (которая последней в истории ограбила дилижанс), овечьих мрачной славой отравительниц вроде Агриппины и Екатерины Медичи, а также современных преступниц, таких как Мамаша Баркер и Бонни Паркер, и даже серийных убийц — например, Эйлин Уорнос. Говорят, что Елизавета Батори купалась в крови девственниц, и хотя это утверждение не доказано, но нет никаких сомнений в том, что на протяжении своей жизни она пыталась и убила десятки, а возможно, и сотни детей. Королева Англии Мария I сожгла на костре сотни протестантов; позже королева Елизавета в отместку казнила множество католиков. Безумная королева Ранавалуна предавала людей смерти в таких количествах, что за время своего царствования уничтожила треть населения Мадагаскара. Она казнила людей даже за то, что они ей снились.

Но вот массовая литература в том, что касается опасности женщин, всегда кишела противоречиями. В научной фантастике 1930-х, 1940-х и 1950-х годов женщины, — если они вообще упоминались, — чаще всего выступали лишь в роли прекрасной дочери ученого, которая порой вскрикивала во время батальных сцен, но в остальном не делала почти ничего — только с обожанием висла на руке героя после сражения. Легионы девиц беспомощно падали в обморок, а храбрый герой с волевым подбородком вызволял их из лап всех подряд, от драконов до пучеглазых пришельцев, которые вечно тащили их в свое логово (по надуманным соображениям гастрономического или романтического толка) на обложках научно-фантастического чтива. Безднадежно сопротивляющихся женщин привязывали к железнодорожным путям, и им не оставалось ничего иного, кроме как протестующе попискивать и надеяться, что Хороший Парень явится вовремя и успеет их спасти.

В то же самое время женщины-воительницы Эдгара Райса Берроуза, такие как Дея Торис и Тувия, Дева Марса, ничуть не хуже умели орудовать клинком и были не менее опасны

в схватке, чем Джон Картер и другие их соратники-мужчины; авантюристка Джирел из Джойри, принадлежащая перу К. Л. Мур, сеяла хаос на страницах журнала «Уирд тэйлз» (прокладывая путь более поздним головорезам вроде Аликс, героини Джоанны Расс); Джеймс Шмиц отправлял агентов Веги вроде Бабушки Ванаттелл и бесстрашных подростков Телзи Эмбердон и Триггер Арджи бороться с жестокими злодеями и чудовищами космоса, а опасные женщины Роберта Хайнлайна командовали космическими кораблями и побеждали врагов в рукопашном бою. Хитрая, таинственная Ирэн Адлер Артура Конан Дойла стала одной из тех немногих, кому удалось обвести вокруг пальца Шерлока Холмса, и, вероятно, послужила одним из прообразов множества сложных, опасных, соблазнительных и коварных «роковых женщин», которые сначала фигурировали в работах Дэшила Хэммета и Джеймса Кейна, потом — в десятках фильмов в жанре нуар, да и по сей день появляются в кино и на телевидении. Позже телевизионные героини, такие как Баффи, истребительница вампиров, и Зена, королева воинов, закрепили за женщинами репутацию грозной смертоносной силы, способной сразиться с полчищами жутких мистических чудовищ, и вдохновили целый поджанр паранормального романа, который иногда неофициально называют жанром «крутой героини».

По примеру сборника «Воины», «Смертельно опасны» задумывались как межжанровая антология, в которой можно было бы найти рассказы самых разных направлений, поэтому мы обратились с просьбой разработать эту тему к авторам обоих полов, пишущим в самых разных жанрах, среди которых — научная фантастика, фэнтези, детектив, ужасы, исторический и паранормальный романы. На наш зов откликнулись одни из лучших мастеров слова (от восходящих звезд до признанных гигантов в своей области), такие как Диана Гэблдон, Джим Батчер, Шэрон Кей Пенман, Джо Аберкромби, Кэрри Вон, Джо Лансдэйл, Лоренс Блок, Сесилия Холланд, Брэндон Сандерсон, Шерилинн Кенъон, С. М. Стирлинг, Нэнси Кресс и Джордж Р. Р. Мартин.

Здесь вы не найдете несчастных жертв, которые стоят в стонке, поскуливая от ужаса, пока герой сражается с чудовищем или скрещивает шпаги со злодеем, и если вам вздумается привязать этих женщин к рельсам, вы встретите бешеное сопро-

тивление. Вместо этого вас ожидают воительницы с мечами в руках, бесстрашные летчицы и инопланетянки всех сортов, смертельно опасные серийные убийцы, могучие супергероини, хитрые соблазнительницы, волшебницы, непутевые дрянные девчонки, разбойницы и мятежницы, женщины постапокалиптического будущего, которые готовы бороться за выживание любыми средствами, частные детективы, безжалостные судьи, надменные властительные королевы, из ревности и амбиций отправляющие на страшную погибель тысячи людей, отважные укротительницы драконов и многие другие.

Приятного прочтения!

ДЖО АБЕРКРОМБИ

Эта стремительно разворачивающаяся, динамичная история повествует о том, что иногда погоня может оказаться для преследователей не менее опасной, чем для беглеца — особенно если жертве больше некуда бежать...

Джо Аберкромби, один из самых быстро набирающих популярность авторов сегодняшнего фэнтези, любим читателями и критиками за свой четкий, жесткий, прямолинейный подход к жанру. Пожалуй, лучше всего публике известна его трилогия «Первый закон», дебютный роман которой, «Кровь и железо», был опубликован в 2006 году; в последующие годы к нему присоединились «Прежде чем их повесят» и «Последний довод королей». Кроме того, его перу принадлежат романы «Лучше подавать холодным» и «Герои». Самая новая книга автора носит название «Красная страна». В дополнение к литературной карьере Аберкромби занимается монтажом видео на независимой основе. Он живет и работает в Лондоне.

ТА ЕЩЕ СОРВИГОЛОВА

Шай ударила коня пятками; передние ноги у того подогнулись, и не успела она понять, что происходит, как, увы, распрощалась с седлом.

Те несколько мгновений, что девушка болталась в воздухе, дали ей возможность прикинуть шансы. На первый взгляд — ничего хорошего, да и стремительное приближение земли не оставило времени на более подробную оценку. Шай изо всех сил постаралась смягчить ущерб от удара — как и всякий раз, когда на нее сваливалась очередная неудача, — но земля не дала ей толком сгруппироваться, хорошенько потрепала и безвольной кулой швырнула на островок иссушенного солнцем кустарника.

Пыль осела.

Она помедлила секунду, чтобы протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Потом еще одну потратила на стон, ожидая, пока мир перестанет вертеться. Третью — на то, чтобы опасно пошевелить рукой и ногой, готовясь к тошнотворной вспышке боли, которая покажет, что что-то сломано и ее жалкому подобию жизни вот-вот настанет конец. Она бы даже обрадовалась, — значит, можно просто растянуться на земле и больше никуда не бежать. Но боли не было. Ну, по крайней мере, если не считать всего того, что уже и так болело. Похоже, жалкой тени, какую представляла собой ее жизнь, еще не пришла пора раствориться в сумерках.

Исцарапанная, ободранная и покрытая пылью Шай кое-как поднялась, выплевывая песок. За прошедшие месяцы она наглоталась его вдоволь, но ее не оставляло мрачное предчувствие, что этот раз — не последний. Конь лежал в нескольких шагах от нее: покрытый пеной бок вздымался, передние ноги почернели от крови. Стрела Нири вошла ему в плечо — не настолько глубоко, чтобы убить или мгновенно затормозить, но так, что от интенсивного движения кровь лилась ручьем. А при том, как бешено они скакали, стрела убила коня так же верно, как копье в сердце.

Было время, когда Шай привязывалась к лошадям. Время, когда — пусть с людьми она, пожалуй, обходилась резко и чаще всего была права — на животных у нее хватало неизвестно откуда бравшейся нежности. Но то время давно прошло. Теперь внутри Шай едва ли осталось что-то нежное — хоть в теле, хоть в душе. Так что ее брошенный скакун изошел кровавой пеной в одиночестве, не дождавшись утешающей ласки, а она припустила к городу, по первости слегка пошатываясь, но довольно шустро приходя в себя. Уж что-что, а бегать она натренировалась порядочно.

Хотя называть это городом — пожалуй, преувеличение. Шесть зданий, да и то для двух или трех из них слово «здание» было бы щедрым комплиментом. Лачуги из грубых досок, будто нарочно сколоченные без единого прямого угла, выжженные солнцем, облупившиеся от дождя, исхлестанные пыльным ветром, ютились вокруг немощеной площади и полуразвалившегося колодца.

Самое большое строение походило на таверну, бордель или факторию — или, скорее, на все это сразу. Над входом еще держалась кое-как покосившаяся табличка, но ветер стер слова,

оставив на доске лишь несколько светлых полос. Теперь она гласила: «Ничто, нигде». Шай взбежала на крыльцо, перепрыгивая через ступени, выдавливая босыми ногами стоны из старых досок. В голове кипели мысли, как все разыграть, когда она окажется внутри: сколько отмерить правды, какой приправить ложью, чтобы сострять историю поубедительней?

За мной гонятся! На пороге сделать судорожный вдох и постараться изобразить крайнее отчаяние — что ж, для этого сейчас, да и вообще в последние двенадцать месяцев даже играть особенно не придется.

Трое каких-то погонков! Потом — если, конечно, никто не узнает ее по портретам с надписью «Разыскивается!»: *Они пытались меня ограбить!* Это факт. Нет нужды уточнять, что деньги она сама украла из нового банка в Хоммено при помощи как раз этих троих почтенных джентльменов — и еще одного, но его с тех пор уже успели поймать и повесить.

Они убили моего брата! Совсем обезумели от крови! Ее брат преспокойно сидел дома, в чем она ему очень завидовала, а если ее преследователи и обезумели от чего-то, то верней всего от дешевого пойла, как обычно, но эту фразу она произнесет с тоненькой дрожью в голосе. При надобности Шай могла выдать те еще трели — в свое время она отточила их так, что заслушаешься. Ей представилось, как все в таверне вскакивают на ноги, спеша помочь даме, оказавшейся в беде. *Они подстрелили моего коня!* Приходилось признать: невелик шанс, что в дубленых шкурах, способных выжить в этой глуши, всколыхнутся рыцарские чувства, но все же вдруг судьба хоть разок сдаст ей выигрышные карты?

В жизни и не такое случается.

Она ввалилась в таверну, уже раскрывая рот, чтобы начать плести басню, и застыла на месте.

Внутри было пусто.

Там не просто не было людей, там не было ничего — и уж точно никаких выигрышных карт. В главном зале ни намек на мебель. По левую руку — узкая лестница и балкон вдоль стены, а наверху — зияющие дверные проемы. Светлые блики там, где восходящее солнце заглядывало в бессчетные щели меж растрескавшихся досок. Разве только ящерица шмыгнула в тень — уж теней-то тут имелось предостаточно. Изобильный урожай пыли серел на каждой поверхности, заполнил каждый

угол. Пару секунд Шай просто стояла на месте, хлопая глазами, а потом бросилась обратно наружу, вдоль по шаткому крыльцу и к следующему зданию. Стоило ей толкнуть дверь, как та грохнулась с проржавевших петель.

Тут не оказалось даже крыши. Даже пола. Только стропила под беспечным розовеющим небом да голые балки над пятачком голой земли, столь же пустынной, как земля снаружи, раскинувшаяся на многие мили во все стороны.

Когда Шай вышла обратно на улицу, с ее глаз уже спала пелена надежды. Теперь она наконец заметила то, что ускользнуло от ее взгляда прежде. В окнах не было ни стекол, ни даже вощепной бумаги. Над разваливающимся колодцем не висела веревка. Нигде никаких животных — само собой, кроме ее мертвого коня, но тот служил лишь исключением, подтверждающим правило.

Это был иссохший труп давно мертвого города.

Шай стояла посреди этой забытой Богом дыры, застыв на носках босых ног, будто немедля хотела рвануть куда-то, вот только не знала куда. Она обнимала себя одной рукой, а пальцы другой бесцельно дергались и трепетали; кусала губу и судорожно втягивала воздух через крошечный зазор между передними зубами.

Даже по стандартам последних месяцев дела складывались паршиво. Но если она за это время хоть чему-то и научилась, так это тому, что любая ситуация может стать еще паршивее. Оглянувшись туда, откуда только что прискакала, Шай увидела на горизонте клубы пыли. В воздухе над седой землей дрожали три серых облачка.

— Вот черт, — прошептала она и еще сильнее прикусила губу. Достала из-за пояса ножик и вытерла короткое лезвие о грязную рубаху, как будто с чистым ножом у нее появилось бы больше шансов. Шай не раз говорили, что у нее богатое воображение, но даже ей было трудно представить оружие более жалкое. Она бы рассмеялась, если бы к горлу не подступали слезы. Если задуматься, в последние несколько месяцев ей что-то уж слишком часто хотелось плакать.

Как же так получилось?

Подобный вопрос скорее услышишь от сопливой девчонки, брошенной хахалем, а не от преступницы, за поимку которой дают четыре тысячи, и все же она не уставала его себе задавать. Да уж, та еще бандитка-сорвиголова! Впрочем, рисковать голо-

вой и в самом деле приходилось уже не раз, но вот с остальным по-прежнему возникали трудности. Печальная истина заключалась в том, что она отлично знала, как так получилось — точь-в-точь как всегда. Беды валились одна за другой так стремительно, что оставалось только метаться туда-сюда, колотясь башкой, будто мотылек о стекло фонаря. За первым вопросом, как обычно, тут же последовал второй.

И что, черт дери, теперь делать?

Шай втянула живот — хотя там уже и втягивать-то было нечего — и дернула мешок за шнурки. Монеты внутри зазвенели тем особым звоном, какой умеют издавать одни только деньги. Там лежало около двух тысяч марок серебром. Можно было бы подумать, что в банке удастся добыть гораздо больше — вкладчикам-то банкиры втирали, что у них на руках всегда есть как минимум пятьдесят тысяч — но, оказывается, банкирам доверять можно не больше, чем грабителям.

Сунув руку внутрь, она вытащила горсть монет и швырнула на землю, оставив серебро блестеть в пыли. Это решение, как и большинство ее решений в последнее время, едва ли имело причину. Быть может, она подумала, что ее жизнь стоит куда дороже двух тысяч, — пусть никто больше так и не считал. Быть может, надеялась, что они заберут серебро и оставят ее в покое, хотя что она будет делать одна в проклятом городе-трупце — без коня, без еды, без оружия, — этот момент Шай еще не обмозговала. Плана у нее в голове определенно не было — уж по крайней мере такого, чтобы выдержал хоть какую-то критику. Ей никогда особо не удавалось продумывать все наперед.

Она сыпала серебро так, будто сеяла семена на материнной ферме, от которой ее отделяли многие мили, годы и с десяток жестоких смертей. Кто бы подумал, что она будет скучать по нищенской хижине, сараю-развалюхе и заборам, вечно требовавшим починки? По упрямой корове, от которой не допроситься молока, по упрямому колодцу, в котором не наскрести воды, и по упрямой земле, где буйно растут одни лишь сорняки. По упрямой младшей сестре и по брату тоже. Даже по громадному, туповатому Лэмбу* с его шрамами. Шай все бы отда-

---

* *Lamb* — ягненок (англ.). В переносном значении — простак, мягкий, слабохарактерный человек.

ла сейчас, лишь бы снова услышать, как мать костерит ее своим визгливым голосом. В носу зашипало, и она громко шмыгнула, а потом вытерла зачесавшиеся от слез глаза истрепанным рукавом. Некогда рыдать о минувшем. В приближающихся пыльных облаках уже можно было различить три темные точки всадников. Шай отшвырнула пустой мешок, кинулась обратно в таверну и...

— Ай! — Она разодрала босую ступню о торчащую шляпку гвоздя и за порог перевалилась, хромая. Жизнь — та еще паскуда, если вы не знали. Даже когда над головой у вас нависли серьезные беды, мелкие неприятности не упустят шанса тяпнуть за палец. Как же она жалела, что не успела прихватить свои сапоги! Просто чтоб сохранить хоть крупицу достоинства. Но чего не было, того не было — в частности, сапог и достоинства; и хоть сотню раз пожелай, но пустые желания правдой не станут — как занудно бубнил Лэмб всякий раз, когда она честила его, мать и свой горький жребий и клялась, что наутро же ноги ее не будет под их крышей.

Вспоминая себя прежнюю, она пожалела, что нельзя как следует врезать той Шай по морде. Впрочем, можно будет попробовать, когда выберется из этой передраги.

Вот только сначала надо разобраться с остальными желающими.

Шай поднялась по лестнице, прихрамывая совсем слегка, но чертыхаясь от всего сердца, и только наверху заметила, что на каждой второй ступеньке остались кровавые отпечатки. Вид блестящей дорожки следов, ведущих прямо к ее ноге, совсем было подкосил ее, но вдруг сквозь пелену паники проступило что-то вроде идеи.

Она пробежала по балкону, не забывая плотно прижимать окровавленную ступню к доскам, и свернула в самую дальнюю пустую комнату. Потом подняла ногу, крепко зажав рану, чтобы остановить кровь, допрыгала обратно до первого дверного проема от лестницы и притаилась в тени.

Жалкие потуги, нечего сказать. Такие же жалкие, как ее босые ноги, крохотный ножик, добыча в две тысячи марок и заветная мечта живой добраться до дома — той самой убогой дыры, из которой она когда-то столь же страстно мечтала выбраться. Едва ли даже такие придурки, как ее преследователи, попадутся на этот трюк. Но что еще она могла сделать?

Когда ставить почти нечего, приходится выбирать рискованные комбинации.

Компанию ей составляло лишь ее собственное дыхание, эхом отдающееся в пустоте, — тяжелые выдохи и рваные вдохи, от которых глотке было почти больно. Так дышат те, кто напуган едва не до усрачки и совершенно не знает, что делать дальше. Она просто не представляла, как ей выкарабкаться. Если все же удастся вернуться на ферму, она каждое утро будет вскакивать с постели и плясать от счастья, на каждый нагоняй матери станет отвечать поцелуем, никогда больше не наорет на сестру и даже Лэмба не будет высмеивать за его трусость. Обещая себе все это, Шай тайком жалела, что она, увы, не из тех, кто держит свои обещания.

Снаружи послышался топот копыт. Она подползла к окну, из которого было видно половину дороги, и посмотрела вниз так осторожно, будто заглядывала в ведро, полное скорпионов.

Вот и они.

На Нири было все то же грязное старое одеяло, перетянутое веревкой на поясе. Сальные волосы торчали во все стороны. В одной руке он держал поводья, а в другой — лук, из которого подстрелил ее коня. Лезвие тяжелого топора у него на ремне было так же тщательно вычищено, как все остальное в его отвратительной внешности было запущено. Додд, низко надвинув на глаза потрепанную шляпу, робко сутулился в седле, как всегда рядом с братом — будто щенок в ожидании трепки. Шай хоть сейчас была бы не прочь отвесить трусливому дураку оплеуху. Для начала. Третьим был сам Джек — сидел осанисто, будто лорд какой, в неизменном красном плаще, длинные замызганные полы которого стекали по крупу мощного жеребца. Он оглядывал здания с голодной ухмылкой; высокая шляпа у него на голове, которая, как он считал, придавала ему шику, слегка покосилась, словно труба погорелого дома.

Додд указал на монеты, которые валялись на земле вокруг колодца, перемигиваясь в солнечных лучах.

— Деньги бросила.

— Похоже на то, — сказал Джек. Голос его звучал так же жестко, как голос его брата — мягко.

Она смотрела, как они спешиваются и привязывают лошадей. Ни одного торопливого движения. Будто только что вернулись с приятной прогулки верхом и теперь готовились прове-